Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/XTSCKE
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ЯЗЫКИ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. ПЛАТОНОВА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

© 2025 г. И.Е.顿Кознова
Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 14 ноября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 23 декабря 2024 г.
Дата публикации: 25 марта 2025 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-154-173

Аннотация: Творчеству А. Платонова присущ постоянный интерес к мемориальным проявлениям бытия. В произведениях о Великой Отечественной войне писатель в полной мере реализовал мнемоническую функцию литературы. Обращение к проблематике памяти и забвения дало ему возможность создать многогранный образ сражающегося человека. Внимание современного гуманитарного знания к мемориальным аспектам культуры позволяет использовать возможности специальных исследований для анализа видения Платоновым взаимодействия памяти и забвения и его взгляда на антропологию войны. В платоновской прозе и драматургии память выражает себя в частном и общем, личном и общественном, сопряжена с профанным и сакральным. Будучи насыщенным по смыслу и многозначным культурно-психологическим феноменом, память выполняет функции воодушевления и утешения, поддержки и запрета. Память испытывает человека: ее разные пласты сосуществуют или сталкиваются друг с другом. Платонов отмечал амбивалентность памяти и забвения, его привлекали ситуации взаимопереходов одного в другое. На первый план писатель выносил тему широких по смыслу и одновременно ограниченных во времени возможностей индивидуального памятования, акцентировал внимание на путях спасения памятью посредством коммуникации поколений, живых и мертвых. Память семьи для такой коммуникации имеет первостепенное значение.

Ключевые слова: Андрей Платонов, литература, Великая Отечественная война, культура, антропология, наследие, память, забвение, воин.

Информация об авторе: Ирина Евгеньевна Кознова — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. 109240 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-4601-7118

E-mail: i.koznova@mail.ru

Для цитирования: *Кознова И.Е.* Языки памяти и забвения в произведениях А. Платонова о Великой Отечественной войне // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 1. С. 154–173. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-154-173

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 1, 2025

LANGUAGES OF MEMORY AND OBLIVION IN A. PLATONOV'S WORKS ON THE GREAT PATRIOTIC WAR

© 2025. Irina E. Koznova
Institute of Philosohpy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: November 14, 2024
Approved after reviewing: December 23, 2024
Date of publication: March 25, 2025

Abstract: The characteristic feature of A. Platonov's works is a constant interest in the memorial manifestations of existence. In the works about the Great Patriotic War the writer fully realized the mnemonic function of literature. Turning to the problems of memory and oblivion gave him the opportunity to create a multifaceted image of a fighting man. The attention of modern humanitarian knowledge to the memorial aspects of culture makes it possible to use the possibilities of special research to analyze Platonov's vision of the interaction of memory and oblivion and his view of the anthropology of war. In Platonov's prose and drama, memory expresses itself in private and general, personal and public, and is associated with the profane and the sacred. Being a meaningful and multi-valued cultural and psychological phenomenon, memory performs the functions of inspiration and consolation, support and prohibition. Memory tests a person: its different layers coexist or collide with each other. Platonov noted the ambivalence of memory and oblivion, he was attracted by situations of mutual transitions from one to the other. The writer brought to the fore the topic of broad in meaning and at the same time limited in time possibilities of individual remembrance, focused on ways to save memory through communication between generations, the living and the dead. Family memory is of paramount importance for such communication.

Keywords: Andrei Platonov, literature, Great Patriotic War, culture, anthropology, heritage, memory, oblivion, combatant.

Information about the author: Irina E. Koznova, DSc in History, Leading Research Fellow, Associate Professor, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Goncharnaya St., 12/1, 109240 Moscow, Russia.
https://orcid.org/0000-0003-4601-7118

E-mail: i.koznova @mail.ru

For citation: Koznova, I.E. "Languages of Memory and Oblivion in A. Platonov's Works on the Great Patriotic War." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 1, 2025, pp. 154–173. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-154-173 (In Russ.)

В одном из неоконченных послевоенных произведений А. Платонова, названном «В 2000 году», говорилось о том, как однажды вечером «седой, но еще бодрый и упитанный старик в очередной раз, неспешно и задушевно, рассказывал молодому поколению своей семьи о боевом прошлом. На груди ветерана поблескивали медали; на глазах проступали слезы; проявившаяся внезапно вследствие контузии фугасом изжога была смягчена минеральной водой. Все шло привычно, размеренно, трогательно. Однако неожиданно на фразе “приходим мы в Берлин...” старик был остановлен стоящим рядом правнуком: “А прабабушка говорила бабушке, а бабушка говорила маме, а мама мне говорила — это прабабушка ходила в Берлин, а ты нет, ты заведующий был”» [33, с. 213].

Так семилетний правнук, осознав, что может существовать и «другая» память, покусился на «святая святых» ветерана — воспоминания о «славных деяниях». Привыкнув считать юное поколение «глупым», ветеран неожиданно для себя обнаружил, что наступил предел той мистификации войны, которая ему прежде удавалась на протяжении более полувека. Мужскому мифу прадеда правнук противопоставил версию участия в войне, переданную по женской линии семьи. Хотя и женский вариант мог содержать свои мифологемы (мифотворчество — одно из свойств памяти и забвения), сам факт показателен. При этом семейная память для правнука, судя по всему, пока еще служила основным источником представлений о далеких событиях.

Платонов довольно точно обозначил временнóй рубеж (40–80 лет), когда живая, коммуникативная память под влиянием общественных и личных обстоятельств, поколенческих сдвигов постепенно трансформируется,

обрастает новыми сюжетами, отказывается от прежних, сохраняет свое ядро или размывает его, переходит в память культурную, которая является основой самоидентификации общества, по крайней мере значительной его части. Именно с культурной памятью чаще всего имеют дело все последующие поколения, не пережившие на собственном опыте события и испытания Великой Отечественной войны. Правнук из поколения миллениалов, еще затронутых работой коммуникативной памяти, уже перевел «стрелку» на путях движения «мемориального экспресса», выступив одновременного в ролях и «стрелочника», и «машиниста».

Для самого Платонова вопрос, какой будет память о войне, что ее ожидает в недалеком и более отдаленном будущем, являлся особенно волнующим. Сознавая недолговечность индивидуальной памяти и ее забывчивость, Платонов размышлял о мемориальных возможностях литературы как эмоционально насыщенной формы культурной памяти. Для него, фронтового корреспондента, «окопного напитана», как называли писателя в те годы [6, с. 477], свидетельствовать словом в память о трагедии своего народа было делом чести и личного долга.

Платоноведы относят концепты памяти и забвения к числу ключевых в творчестве писателя [5; 7; 25]. Что касается его произведений о войне, то они воспринимаются как восстановление национальной и исторической памяти, проявление многовекового отечественного культурного наследия. Внимание исследователей сосредоточено прежде всего на проекциях древнерусской культуры в платоновских текстах: обращение к христианским кодам, канонам средневековой военной повести, житиям святых и т. п. Проблематика памяти конкретизируется главным образом в аспекте мотива «вечной памяти» [1; 2; 18; 19].

Отмечая несомненную значимость подобного мотива, автор настоящей статьи предприняла попытку дальнейшего осмысления действия памяти и забвения в платоновской антропологии войны. Для понимания своеобразия видения писателем войны и человека в ней через мнеморативное продуктивно обращение к современным мемориальным концепциям, своими истоками восходящими к европейской интеллектуальной традиции, начиная с Античности и заканчивая опубликованными в середине 1920-х гг. и ставшими классическими трудами французского философа и социолога М. Хальбвакса о социальных рамках памяти, ее коллективных и историче-

ских формах [20; 21; 26]. Важно, что развитие мемориальных исследований в социально-гуманитарных науках с 1980-х гг. во многом связано с повышенным интересом к трагическому опыту Второй мировой войны и его длительных последствий для человеческого сообщества, положившему начало культурной истории войн, в центре которой находится проблематика памяти. Дискуссионность проблемного поля мемориальных исследований только способствует заинтересованному взгляду на военное творчество Андрея Платонова, также вызывающее полемику.

Обозначим самые общие сложившиеся в исследованиях представления о памяти, позволяющие, отталкиваясь от них, обратиться к анализу произведений Платонова о войне. Память понимается как всеобщая антропологическая универсалия, учреждающая индивидуальную и коллективную идентичность, весьма подвижная в специфических культурных, политических и социальных рамках конструкция, символический способ передачи и актуализации смыслов в самых разных формах. Памятование и забвение рассматриваются в качестве ведущих культурных стратегий; в их амбивалентности, сложном переплетении и скрещивании заложена динамика мемориального [3; 4; 14]. Выделяются уровни памяти — индивидуальная / коммуникативная, коллективная, культурная; типы — опыт, традиция, коммеморация; формы — твердая и мягкая и т. д. [3; 4; 11; 24]. В мемориальных исследованиях сформулированы обращенные к памяти ключевые вопросы: «Кто помнит? О ком / чем следует помнить? Чего нельзя забыть? Что следует помнить? Как следует помнить?» [3, с. 64–65]. Ими задавался и Платонов в своем художественном воплощении трагического опыта войны.

Прямое отношение к военной теме в платоновских произведениях имеют и три основных подхода при изучении мнемонических аспектов художественного творчества — память символической системы «литература» (интертекстуальность, жанр, канон); репрезентация памяти в литературе; литература как средство передачи культурной памяти [17; 28].

В интерпретации Платонова памяти на войне присуще как материально-вещественное, физическое, так и духовное измерение; она выступает источником народной «богатырской» силы в противостоянии врагу. Сильнее всего память бойцов на фронте проявляется в воспоминаниях о доме, близких и любимых. Она также воплощена в мемориальных предметах (письма, полотняная рубаха матери, лист со священного дерева малой

родины, атрибуты православной веры и пр.), в заложенном предками многовековом наследии. Все отмеченное служит «нетленным оружием», наполняет ощущением «народа-семьи» [1; 2]. Неоднократно в военных произведениях Платонова всплывает выражение «тайна войны». Оно многозначно и вбирает в себя разные составляющие: точное знание местности, расчетливое движение по ней, умение ее «читать»; приобретение навыка «как надо драться», чувствовать врага «как следует»; неприятие «убыточной», «бесполезной» смерти; способность разделить смерть с боевым товарищем или спасти его ценой собственной жизни; понимание наступления духовного перелома в бою. Думается, что объединяющим началом и проявлением «тайны» служит именно мемориальное. Характерен фрагмент рассказа «Одухотворенные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем» (1942), в котором краснофлотцу Ивану Красносельскому в момент боя пришли мысли о только что погибшем друге:

> И ему захотелось прилечь к Прохорову, чтобы сказать ему, что он *никогда не забудет его*, что он *умрет за него*, но сейчас ему было некогда прощаться с другом, *нужно было лишь биться в память его*. Ему стало легко... точно он *принял на себя обязанность жить за умершего друга, и сила погибшего вошла в него* (курсив наш. — *И.К.*) [32, с. 75].

Для Платонова память обладает особой сакральной силой: несет в себе заряд энергии в бою, поддерживает в моменты смертельной опасности, крепит главное военное умение, состоящее в сохранении собственной жизни и уничтожении противника.

Рассуждениям Платонова о памяти присущ этический аспект; память понимается им как неотъемлемое сердечное свойство человека. Наполненное любовью матери, памятливое к родителям и отчему дому солдатское сердце связывает в единый круг всех живых и мертвых, служит «охранной грамотой» и опорой, «мягкой мощью» в сражениях, выражает в экстремальных условиях войны «сокровенную» суть человека [12; 19]. Отмечая в рассказе «Молодой майор (Офицер Зайцев)» (1946), что «сердце солдата проросло корнями в глубину могил отцов и повторяется в дыхании ребенка» [31], писатель изображал меморативное в близком к «Мировому дереву» формате.

Пространство России, идеальный для Платонова сельский пейзаж с «пропахшими хлебом и семейством» избами и избушками, полями тучной ржи и ароматными лугами, храмами и церквушками, прозрачными водоемами и бабочками над цветами, мощными деревьями и облаками в голубом небе — выражение и проявление памяти, образа жизни и его народного трудового начала. Это пространство и призваны защищать воины, сами в большинстве своем деревенские. Все в этом пространстве наполнено памятью поколений, передающей от родителей детям, от дедов внукам сведения о былом, насущном и сокровенном, воспитывающей цельность души, силу духа и достоинство. Правда, коммуникативная память недолговечна, уязвима, может прерваться со смертью ее носителя. Но к подавляющему большинству платоновских персонажей это не относится.

Например, Афоня из рассказа «Цветок на земле» (1945) со слов матери знает, что его 87-летнему деду Титу «недолго осталось». Дед, от стариковской груди которого пахнет теплой землей, и уйдет в нее... Напомним, что обусловленность крестьянского труда природными ритмами и землепашество формировали миропонимание, в основе которого лежали представления о телесной сращенности с землей. Так, герой рассказа «Старый человек Никодим» (1942) убежден: «Я же человек ветхий, мне уж пора ко двору — в землю» [32, с. 52]. К слову, Платонов отмечал в записной книжке 1942 г. и присущее народу христианское восприятие: «Крестьянин едет “ко двору” — оказалось на тот свет, домой. Жизнь действительную, на земле, он считал постоялым неустроенным двором» [29, с. 225]. Что до деда с Афоней, то пока старик еще жив, и они уходят в луга «белый свет пытать». И здесь моментально срабатывает память трудового крестьянского тела; дед сразу останавливается у того цветка, который служит ему, земледельцу, воплощением «самого главного» на свете: «...тело себе он сделал из мертвого праха. <...>. ...Он из смерти работает жизнь...» [33, с. 125]. Впитывая в себя слова деда, внук оказывается сопричастным мнемонической вечности [5]:

> Теперь я сам знаю про всё! <...> Ты спи, а когда умрешь, то не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, дедушка, не бойся! [33, с. 125–126].

В рассказе «Дед-солдат» (1941) обретение памяти юным поколением происходит по мере того, как дед вводит своего внука Алешу в мир истории — локальной, национальной, всемирной. Плотина на реке, сооруженная полвека назад силами крестьянской артели, в составе которой работал дед со своим отцом, выражает прочность народного трудового начала, сплоченность и инициативу сельской общности. Вспоминая прежние войны, в которых ему пришлось участвовать, дед убежден, что враг победим. Оба — дед и внук — вступают в схватку с экипажем немецкого танка и, как в сказке, целыми и невредимыми выходят из нее победителями. Старик в рукопашной схватке одолевает своей сухой костяной крестьянской рукой одного хорошо вооруженного танкиста и берет его в плен, а другого убивает из револьвера плененного. Мальчик с большим трудом проделывает брешь в плотине, и немецкий танк с остальными танкистами затягивается илом. Метафора воды, смывающей всю нечисть с лица Русской земли (в восприятии деда «фашист Ай-Гитлер» даже не неприятель, а всего лишь «одна гадюка» [32, с. 21]), символизирует в рассказе и героизм народа («Наш народ уже в который раз смерть обсчитывает и еще не раз ее обсчитает» [32, с. 25]), и связь поколений, принятие младшими наследия предков, а в итоге — победу традиционной, земледельческой цивилизации над модерной, техногенной. Та же идея выражена в пьесе «Без вести пропавший, или Избушка возле фронта» (1942). Старая крестьянка Марфа Фирсовна одна с топором в руках пытается противостоять двум немецким солдатам и, даже связанная немцами, продолжает борьбу и убеждена: «У них-то железо, да машины, да всякие ехидные средства. А у нас что же! — у нас разум да сердце есть...» [33, с. 227]. Таков и дедушка Тишка в «Рассказе о мертвом старике» (1942) — крестьянин, хранитель памяти однодеревенцев всех поколений. Оставшись с приближением врага в деревне один после ухода из нее всех жителей, но чувствуя, что «народ и сейчас был там своею душой и памятью» [32, с. 68], он берет верх над захватчиками.

Важнейшим чувственным проявлением памяти, индикатором психологического состояния человека служили для Платонова запахи. Вот в чем, с точки зрения писателя, проявлялся «русский дух», в основе своей крестьянский. В рассказе «Никодим Максимов» (1943) дается описание русской избы — «это было обыкновенное жилище, в котором рождались, проводили детство и проживали жизнь в старину почти все русские крестьяне»

[32, с. 194]. Именно в ней старались хотя бы накоротке побыть красноармейцы части, временно расположившейся в деревне:

> Видимо, тут им было хорошо, в них оживало здесь тихое чувство своего оставленного дома, отца и матери, всего прошлого жизненного мира и памяти о любимых людях. Эта изба, *пропахшая хлебом и семейством* (курсив наш. — *И.К.*), воскрешала в них ощущение родного жилища, и они внимательно разглядывали старика, может быть, угадывая в нем схожесть с отцом, и тем утешали себя [32, с. 195].

Действительно: красноармейцы старались вернуться хотя бы ненадолго к привычному, к тому, что на войне становилось невозможным [16, с. 281]. В относящихся к войне платоновских «записях разных лет» отчеканилось: «Земля пахнет родителями» [29, с. 266]. Когда отец маленького Никиты («Никита», 1945) вернулся с фронта и взял на руки сына, которого не видел несколько лет, от него, как почувствовал мальчик, «пахло теплом, чем-то добрым и смирным, хлебом и землей» [33, с. 132], т. е. миром, привычным для ребенка, а не войной.

Запахи также являются не просто важным признаком отличия немцев от русских, как в рассказе «Неодушевленный враг» (1942):

> Я понюхал воздух и понял, от Вальца пахло не так, как от русского солдата, — от его одежды *пахло* дезинфекцией и какой-то *чистой, но неживой химией*; шинель же русского солдата *пахла обычно хлебом и обжитою овчиной* (курсив наш. — *И.К.*) [32, с. 28].

Запахи выражают инфернальную суть врага, как в рассказе «Одухотворенные люди»: «...ворвался в окоп, в убежище врага... почувствовал чуждое зловоние...» [32, с. 75]. Или в рассказе «Оборона Семидворья» (1942): «...только живой запах пота работающих бойцов отбивал смертную сухую гарь чуждых веществ» [32, с. 159].

Значимость памятования для Платонова определялась прежде всего индивидуальным выражением и проявлением. Свидетельствуя своим художественным словом о трагедии войны, писатель воспринимал памятование как долг, как личную обязанность, которой он наделял и своих героев. При

этом индивидуальная и коллективная память представлены в платоновском художественном мире как явления взаимопроникающие и взаимодополняющие, позволяющие связать воедино три временн*ы*х регистра — прошлое, настоящее и будущее.

Вопреки «усохшему» в боях сердцу Кирей, герой рассказа «Сампо» (1943), воспринимает как долг не только возрождение порушенной родной деревни:

> Самому Кирею уже ничего не нужно было, потому что его сердце ушло в вечное горе о погибших детях и жене. Но *совесть перед мертвыми* давала ему теперь *силу для жизни*. И Кирей не хотел уйти к любимым мертвым, не *отработав своей вины для живых* (курсив наш. — *И.К.*) [32, с. 114–115].

Молодой красноармеец в рассказе «Счастливый корнеплод» (1943) воплощает в себе двойную силу сформированной традицией памяти и осознанной личной обязанности. Он отстаивает право сохранить остатки разрушенного врагом родного родительского дома и сильно обгоревшего, пострадавшего от боев, местного леса, некогда посаженного для защиты от песчаных бурь. Боец как будто получил наставление от повитухи из романа «Чевенгур» «не быть непочетником» [35, с. 64], помнить родителей и свои корни: «А я не забыл и забыть никогда не могу...» [34]. Отстаивает перед пожилым интендантом младшим лейтенантом Харчеватых, намеренным устроить на этом месте парк развлечений. В идее создания парка, строго говоря, нет ничего предосудительного. Если бы не ряд обстоятельств. Новая личина заведующего губутилем из романа «Чевенгур», интендант обуреваем мыслью забыть всю горечь войны, смести до основания с лица земли всё, что для него является выражением «убогости» деревенского мира, но что дорого молодому бойцу. В лице рядового и офицера сталкиваются память и забвение, между ними разгорается извечный «спор Правды и Кривды». Искушая бойца картинами «цивилизации», сводимой им к удовольствиям, праздности, чревоугодию, «легкой, чистой работе», этот мещанин с «говорящей» фамилией становится воплощением потребительства, пустодушия, беспамятства. Всё последнее упомянутое для Платонова являлось также важнейшими отличительными качествами нацистов.

Персонаж рассказа «Размышления офицера» (1943) подполковник Ф. погиб, но его дневниковые записи, полные размышлений о судьбах отдельных людей и страны, дают возможность увидеть, как тесно переплетены личный опыт и исторический, а семейная память служит краеугольным камнем устойчивости нации:

> Я помню армяк деда, сохранявшийся в нашей семье восемьдесят лет; мой дед был николаевским солдатом, погибшим на войне, и я трогал и даже нюхал его старый армяк, с наслаждением предаваясь своему живому воображению о геройском деде. Возможно, что эта семейная реликвия была одной из причин, по которой я сам стал солдатом [32, с. 224].

Трудно поэтому согласиться с мнением, что платоновские герои лишены собственности на самих себя, и всех их ведет по жизни внешняя им, повелевающая чужая воля [15, с. 125]. Герои военных произведений Платонова, на наш взгляд, представляют во многом исключение. Безусловно, сила чужой воли на войне велика, и у Платонова находится немало подтверждений тому. Но даже в подобных обстоятельствах, вопреки чужой воле, человек сохраняет или обретает себя через памятование. Так, вместо падения человеческого духа смерть старшего лейтенанта Агеева в рассказе «Оборона Семидворья» предстает как истина, благословение жизни, духовный взлет [18]. «Одухотворенные люди» выражают не «апофеоз смерти», а подлинное бессмертие русского солдата, залогом которого остается его бессмертная душа [10]. Этот рассказ и был написан не столько для того, чтобы вдохновлять, а больше для увековечивания памяти: почтить тех, кто уже пожертвовал собой, и вернуть их к жизни для всех тех, кто знал и любил их [27].

Действительно, именно в сохранении памяти о погибших и их мучениях для унаследования в добро Платонов видел возможность утешения для людей — его современников и потомков. Эта одна из тех тайн войны, которая раскрывается в мирное время, спустя годы и десятилетия после ее окончания. Платонов писал о войне, находясь «внутри» нее, и воплощал в своих текстах облик трагического героизма и героической жертвенности.

Платонову принадлежит заслуга возвращения в общественное пространство незабытого в «низах» неоднозначного образа Первой мировой войны. События той войны служили источником формирования представ-

лений о смерти и о немцах. Пожилой боец Абрам Тихонов в рассказе «Верное сердце» (1943) вынес из нее взгляд на войну как на стихийное бедствие, навязанное сверху неизвестной силой, а также знание об «ошибке жизни» (смерти) [32, с. 183]. Подобная сосредоточенность на негативном порождает тоску и уныние. Ей противостоит уверенность пожилого солдата Ивана из пьесы «Волшебное существо» (1944) в том, что «немец — он человек не тот... я его умелым умом беру, по привычке» [30, с. 240–241], а также убежденность молодого бойца Палагина («Оборона Семидворья») в особой умелости русских воинов: «У немца ум заводной, а у нас хоть иногда дурной, да живой, — так мне мой отец еще с той войны говорил» [32, с. 155]. Оба солдата, как мы видим, опираются на опыт Первой мировой войны.

Платонов отмечал офицерский настрой, нацеленный на переформатирование отношения солдат к смерти. Называя «самым сильным оружием» солдата «верное сердце», способное хранить память о погибших за Отечество и передавать ее через поколения как «вечную», герой рассказа «Верное сердце» молодой лейтенант Чепурный, сам еще не испытавший всего «веса зла на человеческую грудь», выводит «формулу» «радости войны» — чувствовать счастье уничтожения этого зла, а не страданья или печали от своей смерти [32, с. 184].

Введение в повествование персонажей, связанных теми или иными нитями с Первой мировой войной (например, казаков), было тем «полем», в границах которого для Платонова стало возможным обсуждение как ретроспективных (или — «замкнутых» [23]), так и проспективных («потенциальных», «открытых» [23]) аспектов памяти в рассказе «Офицер и солдат». Речь шла об актуальности духовного наследия прежних поколений — «сокровища отцов», «сердечного отцовского наследства», т. е. «заряда» стойкости в противостоянии «напрасной смерти» [32, с. 279–280], а также о механизмах трансляции памяти о погибших за пределами ее живой, непосредственной формы.

Размышляя над вопросами работы памяти, Платонов останавливал свое внимание на ситуациях и состояниях, связанных с забыванием и забвением, отмечал их амбивалентность и взаимопереходы. Кстати, некоторые исследователи относят забвение к культурной норме [4, с. 21]. Платонов описывал фронтовые ситуации, когда важно и нужно на время «забыть» (дом, близких, бой) или «забыться во сне» (вернуться в «детскую родину»,

увидеть мать) для того, чтобы собрать силы, жить и помнить, «опамятоваться» («Одухотворенные люди», «Оборона Семидворья»). Подобное забывание носит терапевтический эффект и является исцеляющим. Другим видом забывания является молчание [4, с. 31], связанное, как в рассказе «Броня», с массовыми репрессиями.

Реальная битва становится одновременно мнемической: физическое спасение от смерти суть ее духовное преодоление. Иван Толокно («Иван Толокно — труженик войны», 1943) поначалу полон горя и отчаяния, что враг намерен вычеркнуть память о нем, оставить его в вечном забвении, словно он не жил никогда. Но затем состояние бойца меняется: он противостоит гибели, собирает всю свою мощь, утверждая жизнь и памятование как порядок [32, с. 141]. Несомненна связь мотива спасения с мотивом памяти и в «Одухотворенных людях» [22, с. 199].

Проявлениями, состояниями, микшированием мнемонического наполнен рассказ «Неодушевленный враг» (1942). Присущее платоновскому художественному видению «двойничество» и «подполье» [13, с. 152–156] представлено в рассказе парадоксами: смерть в высшем мгновении жизни «обычно не запоминается», «хотя этот миг является чистой, одухотворенной радостью» [32, с. 25]. «Темное», «теневое» русского — «беспамятство ненависти» — возрождает мощность его сердца как средоточия памяти, и сжимает тело немца [32, с. 34]. «Пахота войны» в рассказе «Афродита» (1943) порождает двусмысленность, являет собой амбивалентность забвения и памятования, земля одновременно воплощает в себе разные полюса:

> …это была пахота войны, где посевалось в землю то, что никогда не должно вновь произрасти на ней, — трупы злодеев, и то, что было рождено для доброй деятельной жизни, но обречено лишь вечной памяти, — плоть наших солдат, посмертно стерегущих в земле павшего неприятеля [32, с. 344].

В изъятой цензором молитве старика (рассказ «Никодим Максимов», 1943) звучит тема возмездия:

> Отведи от нас напасть Своей всемогущей рукой, дай нам жить в кротости и кормиться Твоими дарами, а неприятеля нашего обрати в прах,

и пусть земля его примет навеки без памяти и не извергнет более, и пускай им черви насытятся и черви помрут...» [18, с. 344; 32, с. 194].

С темой памятования сопряжена у Платонова тема человеческого страдания, горя, утрат. Бойцов волнует, помнят ли воюющего отца оставленные в тылу дети. Война не только связывает людей памятованием, но разъединяет, испытывает. Труден переход к мирной жизни. Накопленные в довоенное время и в годы войны пласты памятных ощущений и чувств гвардии капитана Иванова («Возвращение», 1945) — устоявшийся родной запах дома, забытое и знакомое тепло жены, запах волос случайной попутчицы Маши — ведут сражение внутри него, оказавшегося на жизненной развилке. Поначалу будто сопротивляется возврату в мирную повседневность и механик Гвоздарев из рассказа «Житейское дело» (1947): воспоминания о фронтовых путях и встречах одолевают его во сне и пересиливают на время.

У Платонова есть персонажи — Любовь Кирилловна («Волшебное существо»), чиновники, с которыми приходится сталкиваться майору Зайцеву («Молодой майор (Офицер Зайцев)»), интендант Харчеватых — «автоматические люди», как называл их писатель, все намерения и поступки которых сфокусированы на сознательном желании предать забвению пережитое. В промежутке между первыми и вторыми находится капитан Семыкин, безрассудство которого привело к неоправданным потерям в бою («Забвение разума»). Память о погибших как питании сердца («лишь мертвые питают живых во всех смыслах») заменяется едой или выпивкой как питанием тела, средством заполнения пустого внутреннего мира [8, с. 56; 9]. Не случайна запись в военном блокноте писателя: «Не зря ли все было? Ответ погибших» [29, с. 269].

Платонова чрезвычайно волновал вопрос сохранения всей трагической многомерности Отечественной войны в коллективной и культурной памяти общества, которую он связывал с понятием «вечная память». Но каков путь от индивидуальной, ограниченной временем жизни одного человека, памяти к общей, преодолевающей время? Именно это беспокоит Мать в рассказе «Взыскание погибших» (1943): «...если она умрет, то где сохранится память о ее детях и кто их сбережет в своей любви, когда ее сердце тоже перестанет дышать?» [32, с. 214]. Подобные вопросы волнуют и других платоновских персонажей. Характерен в этом отношении рассказ «Оборо-

на Семидворья». Для старшего лейтенанта Агеева смерти в духовном смысле не существует, им постулируется, что имена погибших и их личностные уникальные качества непременно сохраняются в памяти следующих поколений. С этой точки зрения показателен фрагмент рассказа о том, как Агеев в подобном ключе сообщает бойцам о погибших товарищах [32, с. 153–154]. Гораздо сложнее ответить на вопрос Марфы Фирсовны из пьесы «Без вести пропавший…»:

> Один, стало быть, убитый лежит, а другой живет в избе на покое, ест щи с говядиной и поминает его! А что ж убитому-то станется с того, с одного поминания?! Он весь разбитый, покалеченный лежит, и кости его в прах распадаются, для него весь свет потух — какая ему радость, что живые живут! [30, с. 215].

Возможно, ответ раскрывается в диалоге между Агеевым и бойцом Афониным. Хотя последнего Платонов называет размышляющим, тот высказывает обиду на утверждение Агеева, что имеющий сердце народ сохранит и память о них (при условии, что они наперед сберегут его от врага): «Что же мне одна память?» Но Агеев осаживает бойца и осуждает его практицизм: «Ты думай!.. Или человечество глупее тебя? — его память есть дело» [32, с. 165].

Для Платонова очевидна способность литературы взять на себя функцию создания незабвенного из того, что преходяще, забвенно, прежде всего — в разрезе «частной конкретности», т. е. судьбы отдельного человека. Именно сбережением частного сберегается общее — «все во множестве»; следовательно, вершится историческая справедливость [29, с. 279–280]. Но, чтобы подобное осуществилось, каждый сам возлагает на себя ответственность за сохранение и передачу памяти. Рассказ «Взыскание погибших» вселяет надежду: красноармеец принимает от Матери завет памятования.

Платонов предполагал необходимым возведение мемориалов, того, что в терминах современных исследований называется «твердой памятью» [24], а именно одновременного строительства храма вечной славы воинам и пантеона вечной памяти с начертанием имен мучеников, погибших от рук нацистов. Писателю виделась всеобъемлющая память, способная понять человеческие мучения, унаследовать их в добро и «уберечь людей от со-

скальзывания в подлость» [29, с. 279–280]. Празднично-веселого проявления памяти о войне Платонов, похоже, опасался. Не случайна эта его запись: «Затанцуют, затопчут память о войне» [29, с. 275].

Память нередко воспринимается исследователями в качестве «кочующего» феномена. В самом деле, она «мигрирует» во времени и пространстве, между разными историческими эпохами и научными дисциплинами, индивидами и сообществами, воспоминанием и забыванием. Эта ее черта близка платоновскому творчеству с присущей ему идеей странствования.

Русский писатель Андрей Платонов «пропахал» рытвины и ухабы военных дорог Центральной России, продвигаясь все дальше в западном направлении. Почти в то же время французский философ и социолог Морис Хальбвакс, за два десятилетия до этого опубликовавший книгу о социальных рамках памяти, востребованную в гуманитарных науках в конце XX в., двигался своим крестным путем оккупации и Бухенвальда. Оба — писатель и ученый — не мыслили бытие без «работы» памяти и хранили веру в ее гуманистическое начало.

Список литературы

Исследования

1 *Алейников О.Ю.* Военная проза Андрея Платонова (из наблюдений над рецептивными интенциями) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 2. С. 5–9.

2 *Алейников О.Ю.* Прошлое и будущее русского народа в рассказах А. Платонова о Великой Отечественной войне // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2015. № 3. С. 54–61.

3 *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.

4 *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 268 с.

5 *Баршт К.А.* Мнемоническая вечность Андрея Платонова // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 90–107.

6 *Варламов А.Н.* Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. 546 с.

7 *Гюнтер Х.* По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 216 с.

8 *Карасев Л.В.* Движение по склону. О сочинениях А. Платонова. М.: РГГУ, 2002. 140 с.

9 *Когут К.С.* Мотив еды в пьесе А.П. Платонова «Волшебное существо» // Филологический класс. 2013. № 1 (31). С. 111–115.
10 *Корниенко Н.В.* «Добрые люди» в рассказах А. Платонова конца 30-х – 40-х годов // Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарные науки. Языкознание и литературоведение. 1999. Вып. 3. С. 24–37.
11 *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2009. 480 с.
12 *Михайлюченко О.С.* Концепт «Сердце» в военных рассказах Андрея Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 330–341.
13 *Найман Э.* «Двойник» и «Неодушевленный враг» // На самой черте горизонта: платоновские пространства. Поэтика Андрея Платонова. М.: ПОЛИМЕДИА, 2019. Сб. 4 / ред. Е.А. Яблоков. С. 150–157.
14 *Николаи Ф.В.* «Третья волна» memory studies: культурная память между опытом и репрезентацией // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 369–374.
15 *Никольский С.А.* Человек в тоталитарном государстве. Статья вторая. Героизм на войне // Человек. 2020. Т. 31, № 2. С. 129–148.
16 *Нонака С.* К чему можно привыкнуть и от чего нельзя отвыкнуть: к вопросу о традиционализме Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 9 / отв. ред. Н.В. Корниенко; сост. М.В. Осипенко. С. 275–285.
17 *Переходцева О.В.* Концепции памяти в современном западном литературоведении // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17). С. 157–164.
18 *Спиридонова И.А.* Икона в военных рассказах А. Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 343–350.
19 *Спиридонова И.А.* «Под небесами родины». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ 2014. 145 с.
20 *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.
21 *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
22 *Ходел Р.* Толстой и проза Платонова 1941–1945 гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 9 / отв. ред. Н.В. Корниенко, сост. М.В. Осипенко. С. 193–212.
23 *Чжонсу Сонг.* Тема памяти в рассказах Платонова 1930–1940-х гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 252–258.
24 *Эткинд*[1] *А.* Кривое горе: Память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.

1 Эткинд Александр Маркович, 30.08.1955 г.р., на основании статьи 7 Федерального закона от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» 25 сентября 2024 г. включен в Реестр иностранных агентов в России.

25 *Яблоков Е.А.* На берегу неба: Роман А. Платонова «Чевенгур». СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 374 с.
26 *Halbwachs Maurice*. Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: Félix Alcan, 1925. 299 p.
27 *Holt K.* Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // Russian Literature. 2013. Vol. 73. P. 57–84.
28 *Lachmann R.* Cultural Memory and the Role of Literature. URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory_Lachmann.html (дата обращения: 15.10.2024).

Источники

29 *Платонов А.* Записные книжки. Материалы к биографии / публ. М.А. Платоновой; сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н.В. Корниенко. М.: Наследие, 2000. 424 с.
30 *Платонов А.П.* Дураки на периферии / сост., подгот. текста, коммент. Н.В. Корниенко. М.: Время, 2011. 736 с.
31 *Платонов А.П.* Молодой майор. (Офицер Зайцев) URL: https://litmir.club/br/?b=123245&p=17 (дата обращения: 09.10.2024).
32 *Платонов А.П.* Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 годов / сост., подгот. текста, коммент. Н.В. Корниенко. М.: Время, 2012. 544 с. (Собрание).
33 *Платонов А.П.* Сухой хлеб. Рассказы, сказки / сост., подгот. текста, коммент. Н.В. Корниенко. М.: Время, 2011. 416 с.
34 *Платонов А.П.* Счастливый корнеплод. URL: https://litmir.club/br/?b=69263 (дата обращения: 09.10.2024).
35 *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 3: 1927–1929. «Чевенгур». 720 с.

References

1 Aleinikov, O.Iu. "Voennaia proza Andreia Platonova (iz nabliudenii nad retseptivnymi intentsiiami)" ["Military Prose by Andrei Platonov (From Observations of Receptive Intentions)"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Filologiia. Zhurnalistika*, no. 2, 2018, pp. 5–9. (In Russ.)
2 Aleinikov, O.Iu. "Proshloe i budushchee russkogo naroda v rasskazakh A. Platonova o Velikoi Otechestvennoi voine" ["The Past and the Future of the Russian People in A. Platonov's Stories on the Great Patriotic War"]. *Vestnik RUDN. Seriia Literaturovedenie. Zhurnalistika*, no. 3, 2015, pp. 54–61. (In Russ.)
3 Assman, A. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* [*The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 328 p. (In Russ.)
4 Assman, A. *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriei* [*Oblivion of History — Obsession with History*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 268 p. (In Russ.)
5 Barsht, K.A. "Mnemonicheskaia vechnost' Andreia Platonova" ["Mnemonic Eternity of Andrei Platonov"]. *Voprosy filosofii*, no. 1, 2008, pp. 90–107. (In Russ.)

6 Varlamov, A.N. *Andrei Platonov* [*Andrei Platonov*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2011. 546 p. (In Russ.)

7 Giunter, Kh. *Po obe storony ot utopii: Konteksty tvorchestva A. Platonova* [*On Both Sides of Utopia: Contexts of A. Platonov's Works*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 216 p. (In Russ.)

8 Karasev, L.V. *Dvizhenie po sklonu. O sochineniiakh A. Platonova* [*Movement on a Slope. About the Works of A. Platonov*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2002. 140 p. (In Russ.)

9 Kogut, K.S. "Motiv edy v p'ese A. Platonova 'Volshebnoe sushchestvo'." ["The Motif of Food in Andrei Platonov's Play 'Magical Creature'."] *Filologicheskii klass*, no. 1 (31), 2013, pp. 111–115. (In Russ.)

10 Kornienko, N. V. "'Dobrye liudi" v rasskazakh A. Platonova kontsa 30-kh–40-kh godov" ["'Good People' in A. Platonov's Stories of the Late 30s–40s"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia gumanitarnye nauki. Iazykoznanie i literaturovedenie*, issue 3, 1999, pp. 24–37. (In Russ.)

11 Megill, A. *Istoricheskaia epistemologiia* [*Historical Epistemology*]. Moscow, Kanon+ Publ., 2009. 480 p. (In Russ.)

12 Mikhailiuchenko, O.S. "Kontsept 'Serdtse' v voennykh rasskazakh Andreia Platonova" ["The Concept of 'Heart' in the Military Stories of Andrei Platonov"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 9, 2011, pp. 330–341. (In Russ.)

13 Naiman, E. "'Dvoinik' i 'Neodushevlennyi vrag'." ["'Double' and 'Inanimate Enemy'."] Iablokov, E.A., editor. *Na samoi cherte gorizonta: platonovskie prostranstva. Poetika Andreia Platonova* [*On the Very Edge of the Horizon: Platonic Spaces. Poetics of Andrei Platonov*], coll. 4. Moscow, POLIMEDIA Publ., 2019, pp. 150–157. (In Russ.)

14 Nikolai, F.V. "'Tret'ia volna' Memory Studies: kul'turnaia pamiat' mezhdu opytom i reprezentatsiei" ["'Third Wave' of Memory Studies: Cultural Memory Between Experience and Representation"]. *Dialog so vremenem*, no. 63, 2018, pp. 369–374. (In Russ.)

15 Nikol'skii, S.A. "Chelovek v totalitarnom gosudarstve. Stat'ia vtoraia. Geroizm na voine" ["Man in a Totalitarian State. Article Two. Heroism in War"]. *Chelovek*, vol. 31, no. 2, 2020, pp. 129–148. (In Russ.)

16 Nonaka, S. "K chemu mozhno privyknut' i ot chego nel'zia otvyknut': k voprosu o traditsionalizme Platonova" ["What You Can Get Used to and What You Cannot: Towards the Question of Platonov's Traditionalism"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Unanswered Questions*], vol. 9, ed. N.V. Kornienko, comp. M.V. Osipenko. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 275–285. (In Russ.)

17 Perekhodtseva, O.V. “Kontseptsii pamiati v sovremennom zapadnom literaturovedenii” [“Concepts of Memory in Contemporary Literary Studies”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiia*, issue 1 (17), 2012, pp. 157–164. (In Russ.)

18 Spiridonova, I.A. “Ikona v voennykh rasskazakh A. Platonova” [“Icon in the Military Stories by A. Platonov”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 10, 2012, pp. 343–350. (In Russ.)

19 Spiridonova, I.A. *“Pod nebesami rodiny”* [*“Under the Skies of the Motherland”*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2014. 145 p. (In Russ.)

20 Khal’bvaks, M. “Kollektivnaia i istoricheskaia pamiat’” [“Collective and Historical Memory”]. *Pamiat’ o voine 60 let spustia: Rossiia, Germaniia, Evropa* [*Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005, pp. 16–50. (In Russ.)

21 Khal’bvaks, M. *Sotsial’nye ramki pamiati* [*Social Frameworks of Memory*], trans. from French and introd. article by S.N. Zenkin. Moscow, Novoe izdatel’stvo Publ., 2007. 348 p. (In Russ.)

22 Khodel, R. “Tolstoi i proza Platonova 1941–1945 gg.” [“Tolstoy and Platonov’s Prose of 1941–1945”]. *“Strana filosofov” Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov’s “Country of Philosophers”: Unanswered Questions*], vol. 9, ed. N.V. Kornienko, comp. M.V. Osipenko. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 193–212. (In Russ.)

23 Chzhonsu, Song. “Tema pamiati v rasskazakh Platonova 1930–1940-kh gg.” *“Strana filosofov” Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov’s “Country of Philosophers”: Problems of Creative Work*], vol. 5. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, pp. 252–258. (In Russ.)

24 Etkind, A. *Krivoe gore: Pamiat’ o nepogrebennykh* [*Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 328 p. (In Russ.)

25 Iablokov, E.A. *Na beregu neba: Roman A. Platonova “Chevengur”* [*On the Shore of the Sky: Roman A. Platonov “Chevengur”*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001. 374 p. (In Russ.)

26 Halbwachs, Maurice. *Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris, Félix Alcan, 1925. 299 p. (In French)

27 Holt, Katharine. “Collective Authorship and Platonov’s Socialist Realism.” *Russian Literature*, vol. 73, 2013, pp. 57–84. (In English)

28 Lachmann, Renata. *Cultural Memory and the Role of Literature*. Available at: http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory_Lachmann.html (Accessed 15 October 2024). (In English)